

Оригинальная статья

УДК 140.8

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-5-18>

Современный историзм: универсальная история Э. Тоффлера

Борис Георгиевич Соколов

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
sboris00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4614-0602>*

Введение. Цель статьи – фиксация универсальной историчности в реконструкции истории у одного из самых востребованных и известных американских футурологов Элвина Тоффлера. Анализ его концепции с подобного ракурса позволяет выявить в современных концепциях и, соответственно, в постсовременности (постиндустриальная эпоха) генетические связи с предшествующей традицией, связанной с индустриальной эпохой. Это позволяет исследовать современные культурные тренды, что представляется предельно актуальной задачей для гуманитарного знания. Подобный подход к исследованию современных футурологических концепций в целом и футурологии Э. Тоффлера в частности не применялся, а потому авторский подход обладает как предельной актуальностью, так и теоретической новизной.

Методология и источники. Полученные результаты исследования опирались на компаративный и текстологический анализ текстов американского мыслителя (Э. Тоффлер «Третья волна», «Шок будущего»), а также текстов авторов, которые тематизировали универсально-историческую модель понимания исторического процесса (Г. В. Ф. Гегель). При осуществлении генетического и компаративного анализа Э. Тоффлера автор использует результаты собственных исследований относительно генезиса исторического сознания новоевропейской культуры. При анализе текстов Э. Тоффлера и постиндустриального общества использовалась современная критическая литература (Е. И. Фурс, К. Ратти, М. Клодел).

Результаты и обсуждения. Модель универсальной истории, исток которой в Священной истории христианства, обладает следующими основными сущностными характеристиками: 1) наличие фигуры так называемого трансцендентального означаемого, т. е. того ментального топоса, который контролирует исторический процесс (в христианской истории таковым является Бог, в системе Гегеля – диалектическое развертывание понятия, в марксистской философии – борьба производительных сил и производственных отношений); 2) осмысление исторического процесса как тотальности; 3) наличие общего телоса исторического развития; 4) особый статус реального актора исторического события (бесправный, «марионеточный»); 5) универсальная гомогенная среда разворачивания исторического процесса; 6) стадийность исторического процесса. Проведенный компаративный анализ реконструкции взглядов Э. Тоффлера и основных характеристик универсальной истории, а также использование критических источников по тематике статьи показывает, что по всем существенным вышеперечисленным пунктам история, как ее выстраивает американский футуролог, без сомнения, является универсальной историей.

© Соколов Б. Г., 2022



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Использование подобной устаревшей точки зрения современной ментальности, видение исторического процесса выполняет фактически две важные задачи, на которых акцентирует внимание автор статьи: 1) возможность увидеть и оценить стремительные перемены с точки зрения будущего (о чем заявляет сам Тоффлер); 2) инфицирование будущего моделями и подходами предшествующего индустриального общества, что проясняет процессы выстраивания современной культурной ситуации, позволяя понять актуальные тренды развития.

Ключевые слова: историзм, футурология, универсальная история, философия истории, постиндустриальное общество, Э. Тоффлер

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук»).

Для цитирования: Соколов Б. Г. Современный историзм: универсальная история Э. Тоффлера // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 5–18. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-5-18.

Original paper

Modern Historicism: the Universal History of E. Toffler

Boris G. Sokolov

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
sboris00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4614-0602>*

Introduction. The article proposed to the reader aims at fixing universal historicity in the reconstruction of history by one of the most sought-after and well-known American futurists, Alvin Toffler. An analysis of his concept from such a perspective allows us to identify in modern concepts and, accordingly, in postmodernity (post-industrial era) genetic links with the previous tradition associated with the industrial era, which allows us to explore modern cultural trends, which seems to be an extremely urgent task for humanitarian knowledge. Such an approach to the study of modern futurological concepts in general, and E. Toffler's futurology in particular, has not been applied, and therefore the author's approach has both extreme relevance and theoretical novelty.

Methodology and sources. The obtained research results were based on a comparative and textual analysis of the texts of the American thinker (Toffler E. "The Third Wave", "Shock of the Future"), as well as texts of authors who thematized the universal historical model of understanding the historical process (G. Hegel). In carrying out the genetic and comparative analysis of E. Toffler, the author uses the results of his own research on the genesis of the historical consciousness of the New European culture. The analysis of the texts of E. Toffler and post-industrial society was carried out using modern critical studies (E.I. Furs, K. Ratti, M. Claudel).

Results and discussion. The model of universal history, which has its origin in the Sacred History of Christianity, has the following basic essential characteristics: 1) the presence of the figure of the so-called transcendental signified, i.e. the mental topos that controls the historical process (in Christian history, God is such, in Hegel's system – the dialectical unfolding of the concept, in Marxist philosophy – the struggle of productive forces and production relations; 2) the understanding of the historical process as totality; 3) the presence of a common telos of historical development; 4) a special status of a real actor of a historical event (disenfranchised, "puppet"); 5) a universal homogeneous environment for the unfolding of the historical process; 6) the stages of the historical process.

The comparative analysis of the reconstruction of Alvin Toffler's views and the main characteristics of universal history, as well as the use of critical sources on the subject of the article, shows that for all the essential points listed above, history, as it is built by the American futurist, is undoubtedly a universal history.

Conclusion. The use of such an outdated point of view of modern mentality, the vision of the historical process actually fulfills two important tasks, which the author of the article focuses on. 1. The opportunity to see and evaluate rapid changes from the point of view of the future (as stated by Toffler himself). 2. Infection of the future with the models and approaches of the previous industrial society, which clarifies the processes of building the modern cultural situation, allowing you to understand current development trends.

Keywords: historicism, futurology, universal history, philosophy of history, post-industrial society, E. Toffler

Source of financing: the work was supported by a grant of Russian Science Foundation (project no. 21-18-00174 "Historicism as a paradigm of the Humanities").

For citation: Sokolov, B.G. (2022), "Modern Historicism: the Universal History of E. Toffler", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 5–18. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-5-18 (Russia).

Введение. Довольно «курьезная» и в чем-то «комичная» ситуация: один из «столпов и утверждений истины» современного постиндустриального и цифрового общества, а именно Элвин Тоффлер, в ставшей ныне классической работе о надвигающихся переменах в мировой культуре, достаточно прозорливо тематизирующей основные тренды современности, использует в своих построениях довольно устаревшую модель понимания исторического процесса. В чем «комизм» ситуации: то, как видит историю современность – своеобразная амнезия истории, а историзм использует ту самую историю, которую так опрометчиво похоронили уже почти столетия назад, как свой научный базис. Дело в том, что в череде «смертей» и «закатов», которые еще в начале XX в. анонсировал О. Шпенглер, а именно: смерть автора (М. Фуко), смерть «книги», смерть субъекта и т. п., событие смерти истории (Ф. Фукуяма) оказалось не случайно. На протяжении всего XX в. и особенно в нашу пост-пост-современность происходит кардинальная трансформация не только окружающей нас реальности, но и, что немаловажно, структуры сознания, в котором историческая размерность (т. е. «матрица» отношения и конституирования истории) играет существенную роль.

Попытаемся разобраться с этой, конечно, отнюдь не комичной, но вполне реальной ситуацией, в которой казус Элвина Тоффлера (о его проекте истории мы еще поговорим) является не только достаточно интересным, но и показательным примером. Более того, универсально-историческое видение исторического процесса Э. Тоффлера оказывается значимым в проективном ключе: инфицирование историей новой реальности и соответствующего ей типажа сознания порождает многие современные тренды, модели конституирования реальности, а также повседневные практики, страхи, фобии, телосы и т. п. конкретных людей.

Методология и источники. Для прояснения указанной ситуации относительно наличия в футурологических взглядах американского мыслителя так называемой универсальной истории будем использовать следующий научно-методологический инструментарий. Прежде всего в данной работе будем применять опробированные и продуктивные методы компаративного и текстологического анализа, когда обратимся к выявлению их у Э. Тоффлера

в книгах «Третья волна», «Шок будущего». Этот же методологический инструментарий станем использовать при анализе «классического», «образцового» вида универсальной истории в работах немецкого идеалиста Г. В. Ф. Гегеля. При осуществлении генетического и компаративного анализа работ Э. Тоффлера будем применять уже полученные и опробованные результаты собственных исследований относительно генезиса исторического сознания новоевропейской культуры [1, 2]. При прояснении актуальности и корректности футурологических штудий Э. Тоффлера, а также некоторых трендов современной культуры привлечем критические тексты современных исследователей (Е. И. Фурс, К. Ратти, М. Клодел).

Результаты и обсуждение. Для того чтобы зафиксировать в работах американского мыслителя Элвина Тоффлера наличие универсальной модели истории, необходимо прояснить, что мы понимаем под универсальной историей и каковы ее характеристики.

1. Универсальная история как размерность новоевропейского сознания.

Итак, постараемся раскрыть наше понимание универсальной истории. Речь идет, конечно, не о реальной истории, которая является «ноуменальной сферой», т. е. еще теми брутальными фактами, которые подлежат дальнейшей обработке, селекции, символическому инфицированию и интерпретации, а о размерности сознания, которое с определенного ракурса и в определенном стиле (манере) обрабатывает и понимает эти факты. То, что «ноуменальная история», «история-сама-по-себе» всегда оказывается именно этой ноуменальной сферой (ноуменальное в кантовском смысле, как то, что еще не попало в жернова познания, восприятия и воображения), приходится смириться. Как и с тем, что не существует единственной и истинной истории, «истории-на-все-времена» и для всех народов. И дело не только в том, что нынешняя эпоха – это эпоха плюральности истины, т. е. ситуации, когда в сфере гуманитарного знания считается плохим тоном (или недостатком философского воспитания) настаивать на единственной универсальной точке зрения. Все дело в том, что видение, конституирование, наделение смыслом и символизмом истории как феномена осуществляется определенными структурами сознания, которые отличаются в зависимости от типажа сознания. Так, мифологический типаж сознания видит не историю, а мифологическую теогонию, и события осмысляет через инфицирование в исторический процесс деятельности божественно-нуминозного начала. А научный работник современности пытается осмыслить исторический процесс через обращение к фигуре «двигателя» исторического процесса. В этой ситуации настаивать на том, что существует лишь одно истинное понимание движения истории, может лишь тот, кто «лишает права голоса» в этом вопросе не только предшествующие культуры и эпохи (с этим, конечно, все бы смирились), но и тех, кто придет после нас и, возможно, предложит свои версии понимания исторического процесса.

Но все же обратимся к истории не как к реальным событиям, а как к тому, что переработано сознанием, как к «манифестации» определенного типа сознания. Можно говорить о наиболее распространенных видах понимания истории. Это «микроистория» (которая может принять вид всеобщей истории, но от этого по своей структуре и в смысловых топосах данного типа интерпретации ничего существенного не изменится) и универсальная история. Первый вид – это наиболее распространенный вид постижения историчности, который интерпретирует исторические события, исходя из текущей точки, в которой полноправным актором является конкретный человек. Таковы истории Античности и какого-либо

другого культурного пространства, например, истории, записанные в Китае. Второй вид исторического постижения – это так называемая универсальная история, истоком которой послужила Священная история христианства. Она начала свое «победоносное» шествие лишь тогда, когда примат христианства был сильно подорван процессами секуляризации и возникновения того типажа сознания, которое породила новоевропейская культурная традиция. В данном типе исторического постижения и интерпретации и, соответственно, в размерности соответствующего культурно-исторического типа сознания следует выделить несколько существенных моментов, которые и характеризуют этот тип исторического постижения.

1.1. Трансцендентальное означаемое. Прежде всего, фигура так называемого трансцендентального означаемого – это центральный топос универсальной истории как таковой и универсально-исторической размерности соответствующего сознания. Поясним, что мы имеем в виду под этим термином. Титул «трансцендентальный» в кантовском смысле понимается как сверхопытный, вышедший за пределы возможного опыта. Это то, что находится (мыслится) за пределами исторического процесса, ибо сами случайные перипетии, события и казусы несколько не влияют на действенность этого топоса, так как именно он контролирует магистральное развертывание и символическую значимость исторического процесса. Речь идет о «моторе», источнике, телосе, движущей причине истории, о том, что придает реальным конкретным единичным событиям осмысленность и универсальное значение. Например, подобным трансцендентальным означаемым для истории у Гегеля выступает диалектика понятия в сфере социального пространства, реализующая процесс свободы. У К. Маркса подобным мотором исторического развития является борьба производительных сил и производственных отношений.

1.2. Исторический процесс как тотальность. Следующая характеристика универсальной истории и универсально-исторической размерности сознания – это понимание истории как тотальности, целостности. Речь идет об истории человечества. Различные государственные, политические, религиозные образования и их история – это части целого, вписывающиеся в единый процесс исторического движения, согласуясь (случайности все же допускаются) с этим целым. История музыки или история живописи – как один из примеров, являющийся не историями отдельных сфер культурного пространства, а выступающий в синергии с общей историей человечества.

1.3. Единая цель исторического движения. Исторический процесс – это еще одна особенность универсальной истории. Он обладает единым телосом своего движения и довольно часто ее завершением. Закат оказывается включенным в само понимание исторического движения, инфицируя конечный смысл всего исторического движения. Это может быть достижение «коммунистического рая» или «закат» той или иной культуры, или, как у Гегеля, наступление царства свободы, под которым (известный скандал Гегеля) он мыслил то Наполеона, то прусскую монархию.

1.4. Функциональная роль индивида или группы в историческом процессе. В этой универсальной истории, в отличие от «микроистории», довольно печальна роль конкретных людей, социальных объединений или даже целых наций или государств, т. е. тех, кто, собственно говоря, и вершит историю. Печальная роль – роль марионетки, которая реализует

планы и логику трансцендентального означаемого. Конкретный индивид может и не догадываться об этом, но такова хитрость истории, что через произвол индивида реализуется общая логика ее движения: «...живые индивидуумы и народы, ища и добиваясь своего, в то же время оказываются средствами и орудиями чего-то более высокого и далекого, о чем они ничего не знают и что они бессознательно исполняют» [3, с. 77]. Что бы мы ни делали, все это оказывается так или иначе включенным в общий исторический процесс, ход которого конкретные действия индивидов или даже целых народов изменить не в силах. Подобно христианской Священной истории, которая, как мы указали, являлась предтечей универсальной истории, где невозможно отменить или отсрочить наступление конца света, и другой пример – история О. Шпенглера, представляющая циклический вариант универсальной истории, где все культуры проходят обязательные этапы своего развития. Жизнь каждой культуры определена примерно тысячелетием, после чего культура еще может существовать, но будет напоминать засохший кустарник, не приносящий никаких плодов и лишь мешающий вырасти на этом географическом пространстве новой молодой поросли другой культуры.

1.5. Гомогенная универсальная среда разворачивания истории. Не последнюю роль в выстраивании и конституировании исторического процесса как универсально-исторического играет понимание пространства как гомогенной, бесконечной однородной среды: «Универсальная история требует и “универсальной” среды своего разворачивания. Эта “универсальность” выстраивается совершенно уникальной оптикой сознания, разворачивающего пространство и время как бесконечные пустые и гомогенные вместилища» [1, с. 167]. В этом гомогенном пространстве выстраивается и обустроивается (вернее интерпретируется) универсальная история – история всего человечества, вписанная к тому же в общую историю Солнечной системы и всей Вселенной: везде действуют одни и те же (конечно в модифицированном виде) законы, причины и телосы, вписывающие все происходящее в универсальный процесс движения.

Таковы основные позиции универсальной истории, вернее того, каким образом определенный тип сознания (его новоевропейский типаж) интерпретирует историю. Этот тип исторического постижения, как указывалось, возник в эпоху Нового времени и властвовал как «матрица исторического объяснения» до второй половины XX в., т. е. именно до той поры, когда «повальная эпидемия смертей» от фигуры автора до феномена книги докатилась и до домена исторического знания. И вот новый ренессанс в лице Элвина Тоффлера? Или это что-то новенькое?

В конце статьи мы постараемся ответить на этот вопрос, но сейчас слово самому Э. Тоффлеру, предложившему широкой общественности не только свое предвидение (иногда удачно-прозорливое, но не всегда прогностически верное, но такова судьба любых попыток заглянуть в будущее, т. е. судьба футурологии) наступающих перемен, связанных с так называемой «Третей волной» – волной постиндустриального общества, но и модернизированную версию универсального видения исторического процесса. Впрочем, перед нами стоит задача не выстроить реконструкцию взглядов современного футуролога, но выявить в его концепции следы работы универсально-исторической размерности сознания.

2. Три стадии исторического процесса – три волны разворачивания универсально-исторической истории Э. Тоффлера.

Собственно говоря, уже в самом названии книги «Третья волна» Э. Тоффлером заявляется стадийность исторического процесса. Этих стадий три, вполне в духе христианства или гегелевской диалектики понятия. Современная эпоха – это переходная эпоха, когда новая волна кардинальных изменений оказывается у порога и грядущие трансформации уже не просто предчувствуются, но имеют под собой вполне опытно и рационально фиксируемые факты и процессы.

Прежде всего, о периодизации истории. Э. Тоффлер выделяет три так называемые волны, плюс то, что было до Первой волны, ибо период трех волн охватывает период около 10–12 тыс. лет общей истории человечества: «До наступления “Первой волны” перемены большинство людей жило внутри небольших, часто мигрирующих групп, которые занимались собирательством, рыбной ловлей, охотой или скотоводством. В какой-то момент, примерно 10 тыс. лет назад началась сельскохозяйственная революция, которая постепенно распространилась по всей нашей планете и полностью изменила сельский образ жизни» [4, с. 38]. Истории предшествует длительный период доисторического, о котором Э. Тоффлер мало распространяется, так как история для него – это история цивилизации, которая как раз и начинается, когда наступает эра «Первой волны»: «... ибо где бы ни возникало сельское хозяйство, там пускала свои корни цивилизация» [4, с. 51]. Подобный подход напоминает гегелевскую схематику, где есть история, которая начинается вместе с возникновением государства, и длительный период «доисторического» существования человечества. Подобное совпадение не случайно: в моменте возникновения истории можно довольно просто зафиксировать само основание исторического движения, т. е. то, что мы обозначили как трансцендентальное означаемое. Именно начало действия трансцендентального означаемого исторического процесса и запускает историю. Речь, акцентируем еще раз, идет не о «реальной истории», а о той интеллектуальной матрице, которая есть логика понимания и конституирования истории.

Но вот «история началась», и каждый этап, каждая волна захватывает почти весь мир целиком, сохраняя при всех тождественных моментах своеобразие отдельных цивилизаций: «Тоффлер считает, – справедливо отмечает Е. И. Фурс, – что у каждой цивилизации есть свой скрытый код – система правил или принципов, отражающихся во всех сферах ее деятельности, подобно некоему единому плану. С распространением индустриализма по всей планете становится зримым присущий ему уникальный внутренний план. Он состоит из системы шести взаимосвязанных принципов, программирующих поведение миллионов. Естественным образом вырастая из разрыва между производством и потреблением, эти принципы влияют на все аспекты человеческой жизни – от секса и спорта до работы и войны» [5, с. 241]. В этом недвусмысленно проглядывает тот момент универсальной истории (см. п. 1.2), когда общий процесс истории, распадаясь на частные истории, все же контролируется единой логикой движения и единообразием основных силовых точек. Приведем одно высказывание самого Э. Тоффлера, подтверждающее то, что он видит единые, общие «стандарты» конституирования. Так, рассуждая о распространении «Второй волны», он отмечает: «Несмотря на потрясающие различия в языке, культуре, истории и политике – различия столь глубокие, что они бывают причиной военных конфликтов, – все эти общества “Второй волны” имеют общие черты. На самом деле за этими хорошо известными

различиями лежат скрытые от глаз сходные основные принципы» [4, с. 57–58]. Иными словами, культурные, языковые, расовые, политические различия отдельных стран или социальных общностей выстраиваются на едином общем фундаменте. Мир каждой волны при всем ее многообразии представляется Тоффлеру целостным миром, имеющим единое основание.

Но все же вернемся к историческому процессу по Тоффлеру. После длительного периода предистории, который заканчивается около 10 тыс. лет назад, наступает эпоха «Первой волны», вызванная широким внедрением сельскохозяйственного производства. Именно эта волна, как уже отмечалось, запускает процесс истории и порождает цивилизации. Тоффлер выделяет несколько характерных особенностей этой «Первой волны», которые выстраивают единообразное («стилистическое» единство) социокультурное пространство. В этом отношении его концепция («стилистическое единство» всех зон и сфер той или иной цивилизации) напоминает единообразие у О. Шпенглера. Правда, он именует стилистическую целостность культурой, тогда как Тоффлер, следуя англоязычной традиции, маркирует эти целостные образования как цивилизацию. Прежде всего, одна из характерных черт цивилизаций этой волны – использование естественных источников энергии: «Таким образом, все общества “Первой волны” эксплуатировали возобновляемые источники энергии» [4, с. 58]. Конечно, то, что сейчас маркируют как возобновляемые источники энергии, отличается от возобновляемой энергии того времени – это не те достаточно техноемкие сооружения, использующие силу ветра, воды или солнца (гидро-, ветроэлектростанции, солнечные батареи и т. п.), а довольно примитивные сооружения. В эпоху «Первой волны» человек применяет по большей части свою собственную силу или силу прирученных животных. Кроме того, укажем еще пару характеристик обществ «Первой» волны, ибо для нас важно выявление универсально-исторической матрицы во взглядах Э. Тоффлера, а не детальный анализ отдельных этапов движения истории. Для цивилизаций «Первой волны» характерно совпадение производителя и потребителя (слабо развитый рынок и модель самообеспечения на уровне отдельных хозяйств), а также патриархальная семейная организация. Все эти характеристики «Первой волны», впрочем, как и характеристики остальных сменяющих друг друга волн, находятся в «стилистическом» соответствии друг с другом и контролируются в конечном счете тем, что Тоффлер определяет, как код цивилизации: «У каждой цивилизации есть свой скрытый код – система правил или принципов, отражающихся во всех сферах ее деятельности, подобно некоему единому плану» [4, с. 92].

Однако в большей мере его интересует не уже завершившийся конфликт между обществами «Первой» и «Второй волн», а современный процесс борьбы «Второй» и «Третьей волн», т. е. процесс революционного перехода от индустриального общества к постиндустриальному, которое в конце XX в. лишь начало победоносно шествовать по земному шару. Как и в отношении «Первой волны», здесь действует единый код, который Тоффлер фиксирует уже более отчетливо: «С распространением индустриализма по всей планете становится зримым присущий ему уникальный внутренний план. Он состоит из системы шести взаимосвязанных принципов, программирующих поведение миллионов. Естественным образом вырастая из разрыва между производством и потреблением, эти принципы влияют на все аспекты человеческой жизни – от секса и спорта до работы и войны» [4, с. 92–93].

Эти шесть наиболее фундаментальных взаимосвязанных принципа следующие:

1. Стандартизация, которая позволяет реализовывать массовое производство по единым стандартам и согласовывать продукцию в разных секторах, прежде всего промышленности.
2. Специализация, заменяющего «"мастера на все руки" узким специалистом и работником, выполняющим лишь одну-единственную задачу» [4, с. 98].
3. Синхронизация, позволяющая выстраивать производство, исходя не из человеческого ритма, а ритма машин.
4. Концентрация, обеспечивающая собрание в едином пространстве необходимых для производства экономических, производственных и человеческих ресурсов.
5. Максимизация, плодом которой явились различного рода мегастройки и мегапроекты, некий род, по выражению Э. Тоффлера, «макрофилии».
6. Централизация, выстраивающая общества «Второй волны» по модели иерархического подчинения во всех сферах реальности – от политического горизонта до экономики.

Эти принципы оказываются едиными для всех обществ «Второй волны», вне зависимости от идеологии, политического устройства или религиозных предпочтений. Социалистический мир голосовал за эти принципы столь же рьяно, как и его оппоненты из капиталистического лагеря: «Таким образом, мы видим систему из шести ведущих принципов – некую “программу”, которая в той или иной степени действует во всех странах “Второй волны”. Эта полудюжина принципов – стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация и централизация – приложима как к капиталистическому, так и к социалистическому крылу индустриального общества, поскольку они неизбежно выросли из одного и того же разрыва между производителем и потребителем, а также благодаря всевозрастающей роли рынка» [4, с. 115].

Именно эти шесть принципов, образующих основу выстраивания всех ландшафтов (от политики до семьи), подвергаются нападкам и деструкции со стороны тех сил, которые в XX в. начали бороться за новые принципы «Третьей волны». Ну и, конечно, атакам подвергаются элиты и субэлиты «Второй волны» и сам принцип иерархического выстраивания власти в тех культурных, экономических доменах современного мира, в которых продолжают действовать и владычествовать принципы «Второй волны». Прежние пирамиды власти перестают действовать и контролировать мировую экономику, политику, прежнюю систему разделения труда, прежде всего, в формате мировой экономики. И действительно, последнее десятилетие XX в. (и в этом, без сомнения, Тоффлер прав) – это эпоха зарождения новой конфигурации власти и организации мирового разделения труда. Достаточно упомянуть современные пиринговые (децентрализованные) платежные системы (наиболее известная, конечно, – это система биткойна), ставящие под сомнение одно из тысячелетних привилегий государственной машины, а именно – выпуск денег и контроль за ними, чтобы уловить логику деструкции прежних индустриальных констант в новом постиндустриальном информационном обществе.

Указанные и, конечно, не перечисленные сейчас перемены – это звенья одной цепи постоянных перемен в европейской культуре последних трех столетий и именно сейчас (это «сейчас» актуально и во времена, когда Тоффлер писал свои книги, и в наше время, – уже

все более информационное, постиндустриальное): «Западное общество в последние триста лет было охвачено бурей перемен. Эта буря сейчас, похоже, набирает силу. Перемены проносятся по высокоразвитым странам волнами, которые все набирают силу и оказывают беспрецедентное влияние. Они несут в своем фарватере всевозможную любопытную социальную флору – от психоделических церквей и «свободных университетов» до научных городов в Арктике и клубов обмена женами в Калифорнии. Они также порождают эксцентричных людей: детей, которые в свои двенадцать лет на детей уже не похожи; взрослых, которые в пятьдесят словно двенадцатилетние дети» [6, с. 20]. Без сомнения, те предвидения и предчувствия, которые довольно емко отражены в самом названии второй, наиболее известной работы Э. Тоффлера «Шок будущего», откуда и взята последняя цитата, не только интересны, но и актуальны. Но в данной статье нас в меньшей степени интересуют выявленные характеристики или тенденции нового наступающего мироустройства «Третьей волны», разрушающей привычный «ландшафт» индустриального общества. Как указывалось, Тоффлер довольно проницательно не только предвидит, но и фиксирует знаковые характеристики наступающего будущего. Но нас сейчас интересует то, насколько в построениях Тоффлера можно выявить универсально-историческую матрицу. Именно к этому мы и обратимся, начав с его футурологических предвидений, которые действуют в фарватере универсально-исторического подхода.

3. Универсальная история Тоффлера.

Итак, выявим те резоны, которые позволяют диагностировать универсально-историческую модель в истории, как она видится Элвину Тоффлеру.

Прежде всего, о самом «проекте» футурологии. Подобный способ свойственен именно универсально-историческому взгляду: универсальная история контролирует не только прошлое, но и будущее. История – это целостность, выкроенная действием трансцендентального означаемого, а потому столь важнейший домен исторического времени – будущее, не может остаться в неконтролируемой трансцендентальным означаемым зоне. Поэтому со времен Священной истории и утопий Томаса Мора и Компанеллы и, конечно, марксистской матрицы постижения исторического процесса построение и попытки определения будущего являются неотъемлемой частью исторической доктрины. Причем со структурно-функциональной точки зрения нет существенной разницы, в каких тонах окрашивается будущее: оно может быть мрачным (О. Шпенглер), оптимистичным (марксизм), но в любом случае оно «просвечивается» из настоящего. В этом отношении футурология действует в горизонте универсальной истории, рисуя то апокалиптическое, то вполне сносное и загадочное завтра. Наличие попытки ухватить будущее (а именно такова фактически стартовая позиция и интенция Э. Тоффлера) прямо и недвусмысленно указывает нам на наличие универсально-исторического видения у американского мыслителя.

Конечно, история у Э. Тоффлера не завершается постиндустриальным информационным обществом. Возможно, будут еще другие и не видимые из настоящего волны, которые похоронят и цивилизации «Третьей волны». Но эта непредсказуемая открытость (в отличие от других универсальных историй типа Священной истории или истории Гегеля, завершающиеся вместе с приходом царства свободы для всех) является лишь еще одним указанием на ту «оптику» новоевропейского сознания, которое конституирует (в том числе на уровне

чувственности – вспомним кантовские антиномии) любое пространство и, конечно, пространство временного исторического течения как бесконечное.

Напомним, что центральный функциональный топос, который позволяет говорить об универсальной истории, – это фигура так называемого трансцендентального означаемого. Можем ли мы обнаружить его в системе Э. Тоффлера и каково оно, если, конечно, мы его зафиксируем в историческом видении американского футуролога? Ранее мы уже упоминали о «фигуре» кода каждой цивилизации (напомним, что в обществах «Второй волны» Э. Тоффлер выделяет шесть принципов, образующих единый код данной волны), которая подчас скрытно, но чаще всего явно контролирует выстраивание всего культурного и экономического ландшафта. Без сомнения, фигура кода – это одно из проявлений трансцендентального означаемого, хотя код в большей мере контролирует не столько процесс истории, сколько реализацию уже запущенного механизма изменения, ибо процессы изменений (смена одной волны другой) объясняются Тоффлером действием другого механизма. А потому сам код той или иной цивилизационной волны не может претендовать на то, что только он является фигурой трансцендентального означаемого исторического процесса. Таковым в системе Тоффлера фактически выступает идея технологического и экономического прогресса. И в этом он довольно близок к марксистской позиции, когда все основные пружины истории помещены в экономико-производственную сферу, а остальные сферы социального и культурного пространства выступают в той или иной мере как надстроечные образования. Экономизм Тоффлера, в большей мере основанный на примате технологического развития, существенно отличается от марксистского видения конституирования истории и реальности, где основой выступают социальные отношения, определяющие и структуру, и основные позиции производства и его развития.

Кроме того, мы можем диагностировать универсально-историческую матрицу в тоффлеровском видении истории, обратившись к тому особому статусу индивида или целых сообществ в общем историческом движении. Конкретнее к тому, что произвольность и самостоятельность реальных акторов исторического процесса сильно редуцирована у американского футуролога. В характеристиках универсальной истории мы особо отметили довольно «марионеточный» статус индивида или группы в историческом процессе с точки зрения универсально-исторической матрицы интерпретации (см. п. 1.4). История по различным вариантам универсальной истории (от Священной истории до понимания истории в марксизме или Тойнби) творится за плечами конкретных индивидов, конкретных акторов исторического свершения, произвольность их действий с точки зрения общемирового процесса довольно условна.

Приведем показательный пример сходного подхода у Э. Тоффлера. Рассуждая о процессе смены обществ «Первой волны» «Второй волной», Тоффлер замечает: «Многим кажется, что Гражданская война велась по причинам нравственного характера (борьба против рабства) или же была связана с таким локальным экономическим явлением, как тарифы; однако это не вся правда. Борьба шла за решение гораздо более широкого вопроса: кто будет управлять богатым новым континентом – фермеры или индустриализаторы, т. е. силы “Первой” или “Второй волны” [4, с. 55]. Иными словами, не конкретные интересы или желания являются причинами Гражданской войны в США, а процесс борьбы сил одной волны с

представителями другой, более прогрессивной с точки зрения общей картины истории, волны. Понятно, что более прогрессивной является «Вторая волна» – волна индустриализации и, соответственно, силы Севера Соединенных Штатов оказываются более прогрессивными в общем тренде мировой истории, а потому рано или поздно, но победят. Таким образом, налицо еще одна характеристика универсальной истории в истории, предложенной Э. Тоффлером.

Наконец, на наличие универсальной истории в реконструкции исторического развития у Э. Тоффлера указывает сама стадийность исторического процесса, когда на смену одной волне приходит другая, более прогрессивная. Подобное видение исторического движения предусматривает, что историю вспять произвольными действиями или желаниями не повернуть, хотя, конечно, случаются и «откаты», когда, например, в результате завоевания одного из государств или сообществ они оказывались отброшенными на более примитивную стадию.

Одной из характеристик универсальной истории, которую мы выделили (см. п. 1.5), является гомогенная универсальная среда движения истории. Этот пункт не нуждается в особой экспликации применительно к тому, как понимает историю и ту среду, где она разворачивается, Э. Тоффлер: тип сознания, которым обладает американский мыслитель как представитель новоевропейской культурной традиции, выстраивает именно такое видение и реальности в целом, и истории в частности. Тоффлер видит мир с точки зрения наличия в нем бесконечности, пустотности и гомогенности пространства и времени, а потому данная особенность «оптики» новоевропейского сознания с необходимостью присутствуют в его историко-футурологических исследованиях.

Таким образом, сравнив характеристики универсальной истории с тем, что предлагает Э. Тоффлер, определенно и однозначно можно констатировать, что его видение исторического процесса – это вариация так называемой универсальной истории. Историческое свершение охватывает в едином взаимосвязанном и тождественном универсальном движении все страты и домены человеческого общества в истории. А потому видение исторического процесса, предлагаемое Элвином Тоффлером, – это, без сомнения, универсально-историческое видение истории человечества.

4. Инфекция в будущее.

Конечно, Э. Тоффлер несколько лукавит, когда предлагает (это одна прописанных целей его книг) посмотреть на настоящее с точки зрения будущего, а не наоборот, обратится к предвидениям будущего с точки зрения настоящего, что как раз и является классической футурологией: «Раньше люди изучали прошлое, чтобы пролить свет на настоящее. Я повернул зеркало времени, уверенный, что четкий образ будущего поможет нам лучше понять настоящее» [6, с. 18]. И то, что мы можем диагностировать в его работах универсальную историю, принадлежащую по праву, скорее, прошлому, чем будущему, как раз опровергает его довольно смелую, но, увы, не совсем реализованную программу. Конечно, описывая то, что, возможно, нас ожидает в недалеком и уже почти свершившемся (особенно для читателей 20-х гг. XXI в.) будущем, мы поневоле несколько по-иному оцениваем настоящее. Это вполне понятно и является в целом обычной асаной. Шок, который переживает человечество и каждый конкретный человек нашего времени (Тоффлер не раз это подчеркивает), связан со стремительностью

перемен и невозможностью даже на уровне физиологии нормально приспособиться к этим переменам. Именно поэтому то, что Тоффлер описывает, – предугадывает будущее, играет в этом отношении вполне терапевтическую роль, подготавливая нас к изменениям. Но есть и другая задача, которую фактически выполняет его футурология.

Заключение. Мы начали эту статью с того, что зафиксировали некую курьезную ситуацию: американский футуролог, один из наиболее авторитетных относительно грядущих культурных, политических, экономических процессов исследователей, использует довольно устаревшую модель понимания истории, и постарались аргументировать данный тезис, сравнив позиции классической универсальной истории и истории Э. Тоффлера. Что это означает, кроме того, что Тоффлер как представитель уже теснимый новой постинформационной волной культуры описывает грядущие перемены с позиции этой деструктурируемой индустриальной культуры?

Полагаем, то, что предлагает (впрочем, как и мириады других мыслителей, разработчиков, пользователей и просто обывателей) Тоффлер, заключается в следующем.

Зарождающийся новый мир – не очень дружелюбное для человека место и то, что современный человек испытывает шок от его появления, связано не только с тем, что перемены, которые сейчас происходят и которые отчасти прорисовал Тоффлер, стремительны. В ситуации, когда медиальная среда, и прежде всего среда Интернета, выстраивается по модели бинарного кода (тотальная дигитализация), «человеческое, слишком человеческое» оказывается под мощным воздействием обезличенного дигитального виртуального мира. А эта медиальная среда является универсальным и тотальным посредником и вписывается в любой акт нашего экзистирования. Причем с нарастанием значимости и всепроницаемости информационной культуры эта среда оказывается фактически везде: и вне, и внутри нас. Данная среда трансформирует человека в полуживое, полуйскусственное и социально, и физиологически существо, своеобразного культурного киборга или постчеловека: «Постчеловек – совершенно справедливо отмечают Карло Ратти и Мэтью Клодел, – это создание, рожденное в условиях такой бинарности, в мире цифрового и материального, слитых воедино, где ментальное и социальное существование каждого индивидуума осуществляется, поддерживается и совершенствуется с помощью технологий» [7, с. 102].

В этом отношении включение прежних моделей, видений, целей, в том числе понимание истории как универсально-исторического процесса, инфицирует зарождающийся мир теми целями, интерпретациями, смыслами и т. п., которые противоречат новому дигитальному миру¹. Тоффлер не только подготавливает нас к переменам, но и корректирует смысл и интерпретацию этих перемен, а значит, выстраивает символические и смысловые ориентиры, которые изменяют цифровые дигитальные приоритеты. А это, собственно говоря, не так уж и плохо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов Б. Г. Генезис истории. СПб.: Алетейя, 2004.
2. Соколов Б. Г. Гипертекст истории. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / пер. А. М. Водена. СПб.: Наука, 1993.

¹ В компьютерно-дигитальном мире фактически нет истории, а есть одномоментность.

4. Тоффлер Э. Третья волна / пер. С. Барабанова, К. Бурмистрова, Л. Бурмистровой и др.; науч. ред. П. С. Гуревич. М.: АСТ, 2004.
5. Фурс Е. И. Особенности концепции модернизации в трудах Э. Тоффлера // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 239–244.
6. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. Е. Рудневой, Л. Бурмистровой, К. Бурмистрова и др.; науч. ред. П. С. Гуревич. М.: АСТ, 2002.
7. Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня: сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни / пер. с англ. Е. Бондал. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

Информация об авторе.

Соколов Борис Георгиевич – доктор философских наук (2003), профессор (2006), заведующий кафедрой культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 240 научных работ, в том числе 13 монографий. Сфера научных интересов: философия и теория культуры, философия искусства, философия истории, метафизика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 07.10.2021; принята после рецензирования 01.11.2021; опубликована онлайн 24.02.2022.*

REFERENCES

1. Sokolov, B.G. (2004), *Genezis istorii* [Genesis of history], Aleteya, SPb., RUS.
2. Sokolov, B.G. (2001), *Gipertekst istorii* [Hypertext history], Aleteya, SPb., RUS.
3. Hegel, G.W.F. (1993), *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie*, Transl. by. Voden, A.M., Nauka, SPb., RUS.
4. Toffler, A. (2004), *The Third Wave*, Transl. by. Barabanov, S., Burmistrova, L., Burmistrov, K. etc.; Gurevich, P.S. (ed.), AST, Moscow, RUS.
5. Furs, E.I. (2008), "The peculiarities of conception of modernization in A. Toffler's works", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser.: Linguistics and intercultural communication*, no. 3, pp. 239–244.
6. Toffler, A. (2002), *Future Shock*, Transl. by. Rudneva, E., Burmistrova, L., Burmistrov, K. etc.; Gurevich, P.S. (ed.), AST, Moscow, RUS.
7. Ratti, K. and Claudel, M. (2017), *The City of Tomorrow. Sensors, Networks, Hackers, and the Future of Urban Life*, Transl. by Bondal, E., Gajdar Institute Publisher, Moscow, RUS.

Information about the author.

Boris G. Sokolov – Dr. Sci. (Philosophy) (2003), Professor (2006), Head of the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of more than 240 scientific papers, including 13 monographs. Area of expertise: philosophy and theory of culture, philosophy of art, philosophy of history, metaphysics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 07.10.2021; adopted after review 01.11.2021; published online 24.02.2022.*